

«ПОЙ-ИГРАЙ, ТАР, МОЖНО ЛИ ТЕБЯ ПРЕДАТЬ ЗАБВЕНЬЮ?»

(из мемуарного повествования)

Чингиз ГУСЕЙНОВ

Известная эта строка – из популярного стихотворения великого нашего поэта Мушфика, сочинил в ответ ниспровергателям всего традиционного, «хламов прошлого»: один его современник, неистовый «пролетарский поэт», трибунно возглашал: *Молчи, умолкни, тар, Не приемлет тебя, отторгает пролетар...*, – так по-азербайджански звался гегемон; много лет спустя тот поэт признавался мне: «Был молод и глуп, рифма понравилась «тар» и «пролетар», и пошли катиться стихи»; что ж, в те годы учителями были революционные русские, особенно – Маяковский: *А Рафаэля забыли? Забыли Растрелли вы? Время пулям по стенке музея тенькать... Старьё расстреливать!* Или: *А мы – не Корнеля с каким-то Расином – отца, – предложи на старьё меняться, – мы и его обольём керосином и в улицу пустим – для иллюминаций.*

Мой отец играл на таре, брат, многолетний солист оперы, прославился им. Таристом был и наш зять, муж сестры Таиры Ибрагим Мамедов, избравший модный псевдоним Эриванский – звучит по-европейски: актёр Сарабский; учёный Макинский, с кем встречался в пору увлечения проблемой опреснения морской воды, Лемберанский, ну и Нахичеванские; модно было, кстати, и на «ич»: не «Мамедов», а «Мамедович»; зять наш и научил отца тонкостям игры на таре. А было так: отец как-то зашёл во вновь открытый ресторан на Чадровой (угол Базарной), и его потряс талантливой игрой на таре молодой музыкант со звучной фамилией *Эриванский*. Поистине виртуоз: играл, держа тар на затылке, а то за спину перекинет, пальцы легко и быстро извлекали из струн мелодии восточные, русские, даже западные танго или фокстрот, что было необычно. Отец попросил, чтоб тот дал ему, за плату, разумеется, несколько уроков игры на таре. Ибрагим согласился и, придя к нам домой, увидел отца в миллицейской форме и тут же наотрез отказался от какого бы то ни было вознаграждения за уроки. Росла

у «начальника», как тот называл моего отца, удочерённая племянница Таира, девушка ладная, крепкая, с хорошим голосом, часто вдохновенно пела народные песни, – влюбился Ибрагим в неё, и отцу моему он понравился, был остроумен, шутил, если еда не по душе, скажет: мол, «один раз съесть можно», или, как предупредил отца, чтобы тот не увлекался ресторанной пищей: «она уже однажды была съедена». Вскоре сыграли свадьбу, породнились. Был невысок, но гордо держал голову и потому казался рослым, при незнакомых – неприступно серьёзен, одевался всегда со вкусом, никогда не выйдет из дому без галстука и не в костюме, чего советовал всегда мне: «Учти, у нас, как нигде в мире, судят о человеке по тому, как он одет». Отменный знаток языка, любил копаться в его нюансах, знал массу прибауток, говорил сочно. Часто у нас устраивались музыкальные вечера: Ибрагим играл на таре, Таира, стоя у него за спиной, пела... Сильное волнение испытывал я, когда отец играл на таре. И сейчас, когда слышу тар, начало начал моих, мелодия всего меня захватывает, выключая из окружающего мира: я и есть мелодия, растворён в звуках струн. Если есть что творческое во мне – от наших мелодий.

Прочёл как-то, и – тотчас многое соединилось в памяти: восточные мелодии, тар, кеманча, голос Джаббара Карягды!.. С ним, народным певцом Шуши, встречался Есенин, будучи в Баку: *пальцы певца ударяют в бубен, в тишину вторгается чистый и высокий голос...* Есенин называл его «пророком музыки Востока»: *И недаром, пишет в Москву, мусульмане [азербайджанцы] говорят: если он не поёт, значит, он не из Шуши.* Есть фотография: молодой Ибрагим-дан, несколько смущённый, ведь такая удача выпала, снят с Джаббаром Карягды – старый певец и молодой музыкант времён знакомства с моим отцом.

Отец играл... – глаза слегка прикрыты, горестно-скорбное выражение на лице, ощущение, будто выговаривает думы в минорных мелодиях мугамов,

пытаюсь izbьть переживания, – так впоследствии играл и брат. А пока в его руках тонкая, длинная скалка, *охлов*, где б ни прятали, отыщет, *играет*, подражая отцу, что категорически ему не нравится: тар – любительство, а отцу хочется, чтобы сын делал уроки, хорошо учился, стал... – уже определил, кому из нас кем стать: брату – инженером, мне – врачом. А если скалки нет, то брат держит в руках воображаемое нечто и, прижав к груди, играет: пальцы левой руки *виртуозно* скользят по *тару*, он поёт, имитируя мелодию, а правой якобы держит указательным и большим пальцем *мизраб*, или косточку-*медиатор*, бьёт им по видимым ему одному *струнам*.

Когда отец на работе, брат открывает крышку футляра и не сводит глаз с круглой основы тара, грифа с шейкой и головкой, тонких белых и жёлтых, а также толстых коричневых струн, двойных и одинарных, считает их, путается и снова ведёт счёт: четырнадцать!.. На конце длинной шейки, вся в перламутровых пластинах, головка с округлыми и отполированными деревянными колками, которыми настраиваются струны. Что ж, призвание! Брат выбрал тар в спутники, несмотря ни на какие запреты, стал выдающимся таристом. Ныне, когда слышу тар... – это чудесный миг, не надо ссор, любишь всех.

Был некто по имени Якуб-киши, который до нашего зятя Ибрагима учил отца игре на таре, и он, как-то показав на Аликрама, ему было лет девять, спросил у отца: «Нет ли у сына интереса к тару?» «Ещё какой!» – сказал отец, и Якуб-киши взял его в свой кружок в Клубе имени Али Байрамова. Вскоре, придя из школы, брат застал у нас плачущим своего учителя музыки: его, иранского подданного, выселяют из страны. Дождались отца: помочь не может, приказ очиститься от иностранных подданных. Спустя время Аликрам поступил в училище имени Асефа Зейналлы, он из дальних наших родичей по бабушкиной линии.

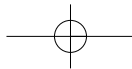
Вообще-то много хлопот со старшим братом – выбирает не учёбу, а тар. Заприметив издали отца по походке, бежим с братом домой, глядим в учебники: страшно, если отец не в духе... Был ветреный день, проворонили: отец сидел на мотоцикле в особых очках, закрытых стеклом со всех сторон, предохраняют от песка – его много в городе, лезет в рот, в глаза, уши, особенно когда ветер. Доволен, что меня похвалили, как отнёсся к важному заданию: к 1-му декабря, когда злодейски убит Киров, сложил листки, изобразив книжечку, одел в переплёт, на каждой странице строка восьмистишия, которое попало, чьё – не знаю, на всю жизнь запомнил: *Красные знамёна С чёрною каймой, Что вы нынче свесились Над родной страной? Что кумач ваш алый Трауром повит? И знамёна молвят: Киров-вождь убит!* Помню строки в «Правде», июнь 1946-го – умер всесоюзный староста Калинин: *На земле*

Калинина не стало..., склонились стяги до сырой земли... – воскликнуть в пору: *Сколько в голове...* – нет, не скажу *мусора*, хоть какая, а всё-таки выдержана профессиональная форма. В Кирове, любовно – *Мироныч*, разочаровался, изучая материалы той поры, когда он был партвождём Азербайджана: жесток и нагл! Много лет высился на холме его памятник, видимый в Баку отовсюду, в 90-е годы свершилась трагикомично казнь: сначала гигантский кран снял его голову и огромную руку, больше него самого (спроектировано для создания эффекта распростёртой руки над бухтой); потом убрали туловище, и долго торчали ноги в сапогах, вмонтированные на постамент... Живописный холм, увы, не сохранили в первозданности; нещадно разрушается и старый город, якобы ветхие строения, всюду понатыканы уродливые дома-небоскрёбы, торчат как вставные зубы, уродуя деликатный облик города (ничего не должно быть выше «Девичьей башни», вот черта!): состязание не по части эстетики, а по карманам – у кого толще.

«Общение» и с другими вождями: часто наши певцы-ашики воспевали Кагановича: *Кагановичин башына бах!..* или *Посмотри, какой Каганович башковитый!* Долго висел у меня в застеклённой рамке портрет Молотова – а было так: зять наш Ибрагим-даи горд, важен и серьёзен, что выступает, это год 1940-й, таристом в оркестре нового кинотеатра *Художественный* (ныне – *Низами*). На сцене огромного просторного фойе музыканты развлекают перед началом сеанса публику... Как сотрудник кинотеатра получил для меня приглашение на ёлку – утренник в январе 1941-го (детей у них не было), я впервые на массовом празднике, мне вручают в подарок коробку домино и портрет Молотова, такой добрый у него взгляд, запомнил сладкозвучное *Вячеслав Михайлович*, – вообще-то имена-отчества вождей вдалбливали в нас с детства... Молотов висел у нас долго, крепя моё пионерство, перед комсомольством рамка упала и разбилась; а домино было забавно фишками: одну за другой выстроишь

▲ Портрет Чингиза Гусейнова нефтью из месторождений Балаханы. Худ. Сабир Чопуроглы.

ЮБИЛЕЙ

впритык, коснёшься чуть пальцем – все валятся. Как и в играх политических, когда приходит новый.

Результатом моей поездки с внучкой Диной по Азербайджану – студентка Кембриджа поставила себе целью, на радость моим родичам, познакомиться с отчизной деда – стал альбом её цветных фотографий: ашуг в хромовых сапогах, в галифе, огромная на голове каракулевая папаха, играет на сазе; старинный чан, выдолбленный из цельной скалы, в нём мы, дети, босыми ногами топтали собранный виноград, сок тёк в отверстие в чане, выливался в сосуд, – готовили на зиму стужённый виноградный сок, тёмно-коричневый, густой и сладкий *дошаб*. Дина на азербайджанской свадьбе, нас пригласили, и она сразу, а главное, естественно, вовлеклась в танец, будто для неё дело привычное. Не устаёшь восхищаться свободой и лёгкостью молодых. Свадебный стол с всевозможными напитками и яствами: куски севрюги и осетрины, соленья и варенья. Чинно восседают жених и невеста. Виды современного Баку, пассажный ряд, холмы, широкие степные просторы, горный пейзаж; торговцы арбузами, горой высятся на фоне нефтяных вышек; ослики тоже – уши торчком, в глазах – недоумение попеременно с любопытством;

вглядываясь, улавливаешь в них иные оттенки: покорность, равнодушие, тоску. А вот мы с Диной, посредине постаревший брат, один глаз слепой, белое на фотографии пятно; вот ещё: брат играет на таре, задумчив... – отчего-то даже мелодия мугама веселая, звуки – минорны.

Нет, Динара, – сказал брат, когда приехали к нему на дачу, и он, впервые увидав её, так назвал, – прежде чем запишешь на диктофон мою игру, расскажу тебе о таре: это чудо-инструмент! Сделан из тутового дерева, а пузырь, натянутый на корпус, это... есть у животного сердце, имеет тонкую плёнку, вот из этой плёнки сделали! Гриф тоже особенный, нижняя тут октава... – И о перламутровой инкрустации на шейке грифа.

... Строка будет звучать во мне, в моём сердце, всю оставшуюся жизнь: *Пой-играй, тар, можно ли тебя предать забвенью?* ♦

‘...I will tell you about the tar: it is a miracle instrument! It is made from mulberry wood, and the membrane which stretches across the body, this... has an animal heart, has a thin film and this is made of this film! The neck is also special...’

ОБЪЕМНОЕ ЗРЕНИЕ

Казбек Султанов

заведующий отделом литератур народов
РФ и СНГ Института мировой литературы РАН,
доктор филологических наук, профессор

Творческая судьба Чингиза Гусейнова, писателя и ученого, по-своему уникальна. История распорядилась таким образом, что видный азербайджанский писатель стал видным строителем здания межкультурного диалога, реализуя идею взаимопонимания народов и культур на фоне отовсюду звучащих абстрактных деклараций и призывов к межнациональному согласию.

Ч.Гусейнов принадлежит к числу немногих писателей, которые утвердили и отстояли модель литературного и культурного поведения – творчество на двух языках. Владея родным азербайджанским и родным русским языками, он обогатил современную литературу, расширяя спектр возможностей освоения, «прочтения» национально-характерного мира. Видный теоретик художественного билингвизма, Ч.Гусейнов своей литературной практикой убедительно подтвердил интеллектуальную и художественную продуктивность органичного культурного двуединства. Благодаря Ч.Гусейнову в современной российской литературе существует такое явление, как «азербайджанский текст», воспринимаемый как самодостаточная эстетическая реальность, устойчиво соотносящаяся с духом родного народа. Этот текст ничего общего не имеет с самодовлеющей орнаментальностью и нарочитым этнографизмом.

Если проследить логику творческого становления писателя, то можно уловить его постоянный интерес к поэтике сопряжения «локального» и «универсального». Вступая в сложные отношения друг с другом, «локальное» и «универсальное» могут в столкновении не находить общего языка, но неизменной оставалась мысль о том, что национальная самобытность, выступая как ценность общечеловеческая, не сводится к представлению об уединенности или обособленности. Вырастая из национально-культурного ядра, слово Ч.Гусейнова в то же время всегда чутко реагировало на то, что принято называть вызовами современности.

В апреле известному писателю Чингизу Гусейнову исполняется 80 лет. Поздравляем мастера с юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, долголетия, новых творческих успехов!

